

Р. М. БАРТИКЯН

ЗАМЕТКИ О ВИЗАНТИЙСКОМ ЭПОСЕ
О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

1. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ «ДИГЕНИСА АКРИТА»

1. 'Απλορράβδης — 'Απελβάρτ — Абу-ль-Вард

Среди многих персонажей, упомянутых в византийском эпосе о Дигенисе Акрите, идентификация которых с историческими личностями вызывает большие трудности, встречается и имя некоего Аплорравда, выступающего в качестве эмира Меферке. Под этим городом подразумевается Майафарикин (Мартирополь), расположенный на армяно-месопотамской границе. Дочь Аплорравда, в связи с которой упоминается ее отец, говорит Дигенису:

'Εμὴ πατρίς νεώτερε, τὸ Μεφερικὲ τυγχάνει
τὸν 'Απλορράβδην¹ ἤκουσας, τὸν ἀμῆρᾶν τῶν πάντων,
οὗτος πατήρ ἐμὸς ἐστὶ, μήτηρ ἢ Μελανθία².

(«Зовут тот город Меферкэ, в котором родилась я,
Там правит всеми Аплорравд, эмир,— о нем ты слышал,—
То мой отец, а мать моя Меланфией зовется»)³.

Этот Аплорравд, отличающийся в эпосе своей воинственностью, держал у себя в плену знатных христиан:

ἐν τοῖς πολέμοις γὰρ ἀεὶ εἶωθεν ἀσχολεῖσθαι⁴.

В огромной литературе, посвященной вопросам эпоса, были сделаны предположения и попытки идентифицировать этого Аплорравда с разными историческими личностями. Греческий ученый П. Каролидс идентифицирует 'Απλορράβδης с 'Αβδουρραχίμ⁵. Маврогордато отождествляет его с эмиром Майафарикина 'Αποτάγλε (Abū Taghlib)⁶, выступавшим в 70-х годах X в. союзником Варды Склира.

А. Я. Сыркин в недавно изданной ценной статье, специально посвященной вопросу историчности персонажей эпоса о Дигенисе Акрите, справед-

¹ В рукописи: 'Απλοράβδιν исправлено в изданиях по Трапезундской и Андросской версиям.

² Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, V, 66—68.

³ Перевод А. Я. Сыркина (см. Дигенис Акрит. М., 1960, стр. 76). τὸν ἀμῆρᾶν τῶν πάντων можно еще перевести и «самого великого, величайшего эмира».

⁴ Digenes Akrites, V, 76.

⁵ Π. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικάι, ιστορικάι καὶ τοπογραφικάι εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. 'Επετηρίς τοῦ ἐθνικοῦ Πανεπιστημίου. 'Εν 'Αθήναις, 1906, σελ. 242.

⁶ Digenes Akrites, p. 146.

ливо отвергает эти предположения и считает их крайне гипотетичными ⁷, не делая, однако, попытки идентифицировать Аплорравда.

В эпосе говорится также, что в плену у Аплорравда был юноша, сын некоего стратега Антиоха, которому удалось бежать из плена вместе с дочерью Аплорравда. Как указывается в эпосе, отец этого юноши погибает в плену у арабов, которые названы персами ⁸.

Очень возможно, что под эписким *Ἀπλορράβδης* нужно подразумевать упомянутого в *De Administrando Imperio* Константина Порфирородного эмира города Маназкерта (*Μαντζικέρτ*) в области Апахуник (*Ἀπαχουνή*) *Ἀπελβάρτ* — Абу-ль-Варда. В эпосе, несомненно, перестановкой букв *βαρδ*⁹—*ραβδ* греческий писец рукописи или же до него греческий сказитель захотел осмыслить это слово... *ράβδης* от слова *ράβδος* = дубинка (на что и намекает двойное *ρρ* в сложном слове *Ἀπλορράβδης* в Трапезундской и Андросской версиях)¹⁰. Арабское Абу-ль в эпосе тоже осмысленно по-гречески — *ἀπλο*... от *ἀπλός*¹¹.

У Константина Порфирородного в качестве эмиров Маназкерта выступают два Абу-ль-Варда. Первый из них правил, по его данным, в третьей четверти IX в. Армянский князь князей Ашот Багратуни (862—885 гг., царь в 885—890 гг.) дал ему во владение крепости Хлат, Арчеш и Беркри ¹². Вот все, что мы знаем о первом Абу-ль-Варде от Константина Порфирородного.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дают нам армянские источники. Григор Нарекаци (X в.), который был обвинен в ереси тондракитов, называемых в византийских источниках павликианами ¹³, написал послание против еретиков, в котором мы встречаем ценные данные о деятельности маназкертского эмира, направленной против еретиков-тондракитов. В этом послании он восхваляет некоего «мстителя, язычника эмира Аплварда» ¹⁴, жившего по соседству с еретиками-тондракитами ¹⁵ и ставшего гонителем последних. Он упоминает также, что этот Аплвард схватил и убил

⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 148.

⁸ Там же, стр. 148—149.

⁹ У Константина Порфирородного — *Ἀπελβάρτ*. Последнее τ в данном случае соответствует звуку d, ибо греческое δ в это время произносилось, как английское th (в слове this), или же, что очень часто у того же автора, армянское զ = d передается по западноармянскому произношению — t, так как имя Варт — армянское.

¹⁰ Кстати, в византийской армии был род *ράβδος* — дубинок, которые назывались *βαρδούκια* или *βαρδούκια*. См. Ν. Καλομενεπούλου. Ἡ στρατιωτικὴ ὀργάνωσις τῆς Ἑλληνικῆς Αὐτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου. Ἐν Ἀθήναις, 1937, σελ. 133. Так что имя Вард у византийцев легко ассоциировалось со словом *ράβδος* как по звучанию, так и по смыслу.

¹¹ На это намекает и густое придыхание перед этим грецизированным арабским именем, происходящим от арабского Абу-ль, в то время как просто Абу у византийцев осмысливалось не словом *ἀπλός*, а просто предлогом *ἀπό*, например, *Ἀποκάπτης*, *Ἀποτάγλε*, *Ἀπόχαψ* и др. В превращалось в π, Абу — *Ἀπο*, Абу-ль — *Ἀπλο*... ибо в это время греческое β звучало, как и теперь, — v. Поэтому в византийской транскрипции чужое β очень часто передавалось через π, например, армянское имя Абас у того же Порфирородного выступает как *Ἀπασ* (*ἀπιος*).

¹² *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*, Greek text ed. by G. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 198 (cap. 44).

¹³ См. Р. Бартикян. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. ИАН Арм. ССР, серия общ. наук, № 1, 1957, стр. 89 (на арм. яз.).

¹⁴ См. «Книга посланий». Тифлис, 1901, стр. 498 (на древнеарм. яз.).

¹⁵ См. там же, стр. 500. Сам центр движения — селение Тондрак — находился в области Апахуник. См. Аристакеся Ластивертци. История. Тифлис 1912, стр. 150 (на древнеарм. яз.).

основателя и вождя ереси тондракитов — Смбата Зарехаванци, современника Карбеаса и Хрисохира ¹⁶.

Подробности об этом Абу-ль-Варде дает нам и армянский историк X в. Фома Арцруни. Он упоминает о том, что в 70-х годах IX в. эмиром кайсиков Маназкерта в области Апахуник стал некий Аблбар, которого Фома называет тираном Апахуника ¹⁷.

Упомянутые в армянских источниках кайсики, принадлежащие маназкертскому эмирскому дому племени Сулайм, уже в 60-х годах IX в. являлись владыками Апахуника. Они, вероятно, поселились в Армении в правление Арун-аль-Рашида, в конце VIII в. ¹⁸ Владения кайсиков, по данным Константина Порфирородного, — Маназкерт, Беркри, Хлат, Арчеш — до правления Ашота I находились под верховным владичеством халифата, названного у него Персидой. Во времена Ашота I все эти крепости и города уже находились в его вассальной зависимости. После убийства армянского царя Смбата I (914 г.) арабами кайсики Апахуника стали вассалами Византии, уплачивая ей определенную дань (до тех пор, пока современник Константина Порфирородного Абу-ль-Вард II перестал подчиняться Византии).

Константин Порфирородный считает, что правители Армении находились в вассальной зависимости от Византии, вассалами же правителей Армении являлись кайсикские эмиры. Следовательно, неподчинение правителю Армении в то время должно было считаться неподчинением Византии. Фома Арцруни упоминает о борьбе армянских Багратидов против эмиров Апахуника, что говорит в то же время о неподчинении эмира Византии, следовательно, и о его борьбе против Византии. Фома упоминает также, что в распоряжении кайсикского эмира было «персидское войско», совершавшее грабительские набеги на Романию ¹⁹. В эпосе о Дигенисе Акрите «великий эмир» Аплорравд опустошает с большим войском земли Романии ²⁰.

Второй Абу-ль-Вард жил во времена Константина Порфирородного. О нем византийский император дает нам больше сведений. Абу-ль-Вард второй *μετὰ δόλου καὶ χλεύης* убивает подчиненного византийскому императору Ахмета, тоже кайсика, владельца крепостей Хлат, Арчеш и Арчке, объединяет вновь все земли, принадлежавшие арабскому племени кайсиков, и перестает быть вассалом Византии, отказывается платить ей дань. Константин Порфирородный советует своему сыну обязательно завладеть этими крепостями, а также Беркри, ибо, по словам императора, «если царь владеет этими крепостями, арабское войско (*Περσικὸν φασαῖτον*) не может вступить в Романию, так как они находятся между Романией и Арменией и являются заградой и ἀπλίκτη (против неприятельских войск) ²¹.

¹⁶ Подробно о нем см. Ашот И о а н н и с я н. Движение тондракитов в Армении. — «Вопросы истории», 1954, № 10; е г о ж е. Смбат Зарехаванци, его время и современники. — «Вестник Матенадарана», т. 3, 1956; е г о ж е. Очерки истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957; С. П о г о с я н. Закрепление крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956 (на арм. яз.).

¹⁷ Фома Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917, стр. 353, 361 (на древнеарм. яз.).

¹⁸ Пользуюсь рукописью монографии: А. Тер-Гевондян. Арабские эмираты в Багратидской Армении, которая скоро выйдет в свет.

¹⁹ Фома Арцруни. История дома Арцруни, стр. 395.

²⁰ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, ἐποποιία βυζαντινῆς τῆς 10-ης ἐκατονταετηρίδος κατὰ τὸ ἐν Ἀνδρῶν ἀνευρεθὲν χειρόγραφον ὑπὸ Ἀ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις, 1920 (стк. 2468—270).

²¹ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, p. 202, cap. 44.

Интересно здесь подчеркнуть, что Константин Порфирородный (как и армянский историк Фома Арцруни в связи с Абу-ль-Вардом I) не вызывающих в данном контексте сомнения арабов называют персами, а арабский халифат — Персидой (Περσίς), считая, что упоминаемые земли никогда не находились под владычеством Персиды и халифата (ταῦτα πάντα τὰ προρρηθέντα κάστρα καὶ αἱ προρρηθεῖσαι χώραι οὐδέποτε γεγονάσιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Περσίδος ἢ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ ἀμερμουμνῆ)²². В эпосе также говорится о том, что стратиг Антиох, попавший в плен, был убит персами, т. е. арабами, и совершенно прав А. Я. Сыркин, считая, что эпизод с дочерью Аплорравда разворачивается среди арабов²³.

Во всей этой истории возникает одно недоразумение. Аплорравд в эпосе является эмиром Μεφρική — Майфарикина, в то время как и первый и второй Абу-ль-Варды являются эмирами Маназкерта. Такого рода неточностей в эпосе довольно много, и это не должно нас смущать. Кстати, можно отметить, что, согласно данным Ибн-аль-Асира²⁴ и Яхьи ибн Саида²⁵, Абу-ль-Вард II потерпел поражение и был убит неким Наджа, стратигом эмира Диарбекира (Алдзника) Хамданида Сайф-аль-Даула, центром которого был город Майфарикин.

Труден другой вопрос: с каким из двух Абу-ль-Вардов нужно идентифицировать Аплорравда? Или Аплорравд олицетворяет деятельность обоих Абу-ль-Вардов? Более убедительно предположение, что мы имеем дело с Абу-ль-Вардом I, современником Хрисоверга — Хрисохерпа — Хрисохира и Кароэса — Карбеаса.

2. О прообразе героя Ангилы

В византийском эпосе о Дигенисе Акрите в Трапезундской²⁶, Андросской (ныне «Афинской» — рукопись Национальной библиотеки № 1074)²⁷, Андросской прозаической²⁸ и Оксфордской²⁹ версиях среди противников Дигениса встречается и некий богатырь по имени Ангила³⁰ (Ἀγκίλας), который отличается большой силой, борется только дубинкой. Он единственный герой, которому удалось один раз победить Дигениса. Ангила на дубинке побежденного написал: «Пусть Дигенис идет к апелатам и скажет, что Ангила даровал ему жизнь». Это обстоятельство подчеркивает не только силу Ангилы, но и его великодушие. Однако через год Дигенис вызывает Ангилу на бой и убивает его ударом дубинки по голове.

Ниже приводится перевод части эпоса, касающейся Ангилы из Трапезундской версии. Повествование идет от первого лица. Дигенис рассказывает апелатам о своих подвигах.

²² Ibidem.

²³ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 149.

²⁴ См. M. Canard. Recueil des textes relatifs a Sayf al-Daula. Paris, 1934, p. 249—251.

²⁵ Ibid., p. 256—257.

²⁶ Les exploits de Basile Digenis Akritas, épopée byzantine du dixième siècle, ed. par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. 172—176 (стр. 2071—2123).

²⁷ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Τὰ ἐμμετρά κείμενα Ἀθηνῶν (πρῶτην ἂνδρου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζοῦντος), Κρυπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριάλ. Νέα πλήρης ἐκδοσις μετ' εἰσαγωγῆς, ὑποσημειώσεων καὶ κριτικοῦ ὑπομνήματος ὑπὸ Πέτρου Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 171—174 (στίχ. 3068—3120).

²⁸ Οἱ δέκα λόγοι τοῦ Διγενοῦς Ἀκρίτα, κατὰ τὴν περὶ τὴν διασκευὴν τῆς ἂνδρου. Ἐκδ. Δ. Πασχάλη — «Λαογραφία», IX, 1928, σελ. 379—381.

²⁹ Collection de Romans grecs en langue vulgaire et en vers publ. pour la première fois d'après les manuscrits de Leyde et d'Oxford par S. Lampros. Paris, 1880, стр. 2495—2562.

³⁰ В транслитерации придерживаюсь произношения, а не написания.

Р а с с к а з А к р и т а о б А н г и л е

- «В один из дней (наполненных) моими мужественными деяниями,
я сел на скакуна и отправился в поле
В Месопотамии я встретил молодца.
Он был очень ловким, приятным и очень мужественным.
- 2075 Мне понравился его конь, у меня возникло желание его отнять,
но взгляд молодца был обращен на своего коня, смотрел он и на меня.
Он был весьма ловким и очень мужественным.
Уклонился он слегка и нанес мне удар дубинкой,
и вслед за ударом он отнял мою дубинку.
- 2080 Затем начертал на ней он кровью писание,
началом которого были следующие слова:
«Акрит, не горюй, пусть не болит твое сердце,
ибо я твой раб, я — лев Ангила.
Я ради тебя сюда пришел, у меня не было других забот,
2085 и достиг я своей цели, осуществил твою мольбу, Акрит.
Но ты иди, расскажи всем апелатам:
Ангилла нанес мне дубинкой сильный удар,
но он не убил меня, он такой мужественный».
Вот это и есть писание чудесного Ангиллы.
- 2090 Теперь я расскажу вам о том, что затем Ангилла претерпел.
Я вскочил и сел на коня, взяв свою дубинку,
и, сильно обиженный, отправился к моему шатру.
Затем поставил лесенку, сошел с моего чудесного коня
и прочел на дубинке написанные кровью слова.
- 2095 Я постоянно думал о том, как ему отомстить.
Прошел год, но обида все время меня мучила,
и когда истек тот неудачный год,
я про себя решил ему отомстить,
расплатиться с ним за удар дубинкой и за писание,
2100 с ним, с достойным изумления и чрезмерно мужественным Ангиллой.
Я вскочил, сел на чудесного, каракового коня,
который в моих доблестных деяниях всегда был мне надеждой,
взял затем свой щит, свою лиру,
а также свою легкую дубинку и отправился в бой.
- 2105 И когда приблизился к его обиталищу, тогда
я начал играть на своей лире и стал петь песню,
как соловей, и изумлял я всех.
Мое сладкопение начиналось словами:
- 2110 «В этих ущельях и в этих теснинах,
в этих скалистых местах, дубинкой крепко бьют мужественных
благородные рождением и очень мужественные,
вот и мне дали в долг дубинкой очень крепкий удар,
но я хочу по-честному, с излишком вернуть свой долг,
хочу справедливо вернуть свой долг,
2115 вот я пришел именно за тем, чтобы вернуть долг».

О том, как Акрит,
ударив Ангиллу дубинкой
по голове, убил его

Когда Ангилла услышал то, что я пел,
и так как ему была свойственна большая отвага,
он, призвав своего молодого коня, помчался на меня.
Я тоже призвал своего каракового коня и стал бить [Ангилу].

²¹²⁰ Я дал ему дубинкой по лбу легкий удар.

Он тотчас же умолк, с коня свалился.

Я немедленно спустился с коня, пытался его приподнять, но молодец, застояв, сразу испустил дух»³¹.

Андросская стихотворная ³² и Оксфордская версии не дают нам ничего отличающегося от Трапезундской, кроме того единственного, как мы увидим далее, важного факта, что в Оксфордской версии Ангила назван γίγας — гигантом (стк. 2520).

В песнях акритского цикла, собранных в Телмесе в Каппадокии и опубликованных П. Лагардом ³³, упоминается некий Акила, выступающий в качестве тестя Карабиера:

Ἐγὼ τ' Ἀκύλα κόρη ἤμου καὶ τοῦ Καραβιέρη νόμφη.

А. Грегуар отождествляет Акилу с Ангилой, а Карабиера — с Кароэсом эпоса, т. е. с историческим Карбеасом ³⁴.

Попыток идентифицирования героя-богатыря Ангила с какой-либо исторической личностью очень мало. Слишком уверенное предположение высказал П. Калонарос, что будто Ангила — это герой Sajjid Battal турецкого эпоса ³⁵, что никак не звучит убедительно и очень шатко обосновано. А. Я. Сыркин считает, что сопоставить Ангила с кем-либо трудно ³⁶, и это понятно, ибо из вышеупомянутого рассказа хорошо видно, что мы имеем дело не с исторической личностью, а с мифической, легендарной.

Сначала останемся на районе, откуда был родом Ангила. Это Месопотамия — конечно, не историческое Двуречье, а византийская провинция Месопотамия. В административном делении Византии провинция Месопотамия с центром Амидом входила в состав префектуры Востока ³⁷. В сирийских источниках Амидская область носила в древности название Бет-Аггелайе, по старинной крепости Аггел, расположенной на север от Амиды ³⁸.

В состав провинции Месопотамии входила область, которая в армянских источниках называется Ангел-тун, Дом, т. е. страна Ангела (Ангелена — византийцев). Об этом свидетельствуют протоколы Халкедонского собора 451 г.: Месопотамию там представляли шесть епископов: из Амиды, Софены, Анзитены, Мартирополя, Ингела-Ангелены и Софанены ³⁹.

³¹ Les exploits de Basile Digenis Akritas..., p. 172—176.

³² Андросская прозаическая версия нам осталась недоступной.

³³ Neugriechisches aus Kleinasien.— «Abhandlungen der kgl. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen», Bd. 33, 1886, S. 20, 9.

³⁴ H. Grégoire. Notes sur l'épopée byzantine. 2. Une mention du héros Ankylas et du Paulicien Karbeas dans une chant akritique.— Byz., XIII (1938), fasc. 1, p. 521. Имена Кар[оэ] или Карбеас — это армянские ласкательные (у армян встречаются и формы Крпе — Крбе, Крпо — Крбо) от Карапет — Карабет, означющее «предводитель» (греч. Πρόδρομος). См. Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. II. Ереван, 1944, стр. 582 и сл. В этой связи Караβιέρης (вероятно, искажение от Караβιέτης) вышеупомянутой песни очень близок к имени Карабет, и предположение Грегуара о том, что Караβιέρης тождествен Кароэсу, очень правдоподобно. Об этом см. также Р. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван. 1961, стр. 166.

³⁵ Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας..., εκδ. Π. Καλονάρου, τ. Α', σελ. 172, ὁποσημ.

³⁶ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита», стр. 147.

³⁷ Notitia dignitatum, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 77. Ср. Н. В. Пигулевская я. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1944, стр. 15.

³⁸ Н. В. Пигулевская я. Сирийские источники..., стр. 15.

³⁹ См. M a n s i, VII, p. 403: provinciae Mesopotamiae ep. VI: Symeon Amudensis, Noe Cesariensis, Zephanensis, Maras Azetiniensis, Zebennos Martyropolitani, Gaiumas Inseles, Inreles (sc. Ingeles), Eusenius (sc. Eusebius) Rufuniensis, Suphaniensis. Исправления Н. Адонца см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 39, прим. 1.

В VI в. Ангелена входила в состав Великой Софены, а после 591 г. Великая Софена вместе с Арзаненой вошла в провинцию Верхняя Месопотамия⁴⁰. Верхняя Месопотамия у Георгия Кипрского отождествляется с Четвертой Арменией — Ἐπαρχία Μεσοποταμίας ἕνω ἡτοι Δ' Ἀρμενίας⁴¹, а Четвертая Армения в Армянской Географии VII в. отождествляется с Софеной: *Ἐπὶ τῆς ἑστέρας ἐστὶν ἡ ἄνω ἡτοι Δ' Ἀρμενίας*⁴². Ангелена же, как мы указали выше, входила в состав Софены.

Все сказанное свидетельствует о том, что Ангелена входила в состав провинции Месопотамии, той Месопотамии, откуда вел происхождение герой-богатырь Ангилла.

Позже, как видно из данных Константина Порфирородного, упомянутые территории вошли в образованную Львом VI (886—911 гг.) фему Месопотамия. При императоре Романе Лакапине в состав фемы Месопотамии вошли Романополис и Хандзит⁴³ (εἰς τὸ Μεσοποταμίας θέμα ἐπὶ Ῥωμανῷ δεσπότην προστέθη ἡ τε Ῥωμανόπολις καὶ τὸ Χανζίτ).

Область Хандзит (арм. *Սհահր*, Анзитена — византийцев), области Софена, Софанена, а также Ангелена (или Ангилена) в более древнее время были известны под одним именем Софена. Они находились между Евфратом и Западным Тигром⁴⁴.

Что собой представляла Ангелена? Это очень древняя область. Немецкий хеттолог Э. Форрер, считает что Ангелена — это Ingal-ava хеттских надписей⁴⁵. Ангелена со своей неприступной крепостью позже стала играть большую роль в истории армянского народа. «С распространением политического и социального влияния феодального рода, — пишет известный армянский историк Гр. Капанцян, — владевшего крепостью Ангел, и вся обширная область по верхнему течению Арганы и Зебене (куда впадает Аргана-су) также стала называться „дом Ангела“ (*Սհահր տուն*)... С именем этого города-крепости Ангел у армян связывались древние традиции их политического становления и государственности, не говоря о культурном также значении»⁴⁶.

В IV в. при христианских Аршакидах Ангелена была царским поместьем. Как указывает армянский историк V в. Фавстос Бузанд, страна Ангел-тун «издревле была остан аркуни (т. е. царской областью)»⁴⁷. Во времена разорительных набегов армянского нахарара Меружана Арцруни царь Аршак сидел в Ангелене; видно, область эта служила временно местопребыванием аршакидских царей.

По сообщению того же Фавстоса Бузанда, войска персидского царя Шапуха под предводительством Меружана «пошли и осадили сильную крепость Ангел в гаваре (т. е. районе) Ангелтун, так как там находились усыпальницы многих армянских царей Аршакуни и с давних пор там были скоплены предками большие сокровища. Пошли, осадили кре-

⁴⁰ H. H ü b s c h m a n n. Die altarmenischen Ortsnamen. Strassburg, 1904, S. 303—304.

⁴¹ Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 46.

⁴² Géographie de Moïse de Corène, texte arménien, traduite en française par Arsène Soukry. Venise, 1881, p. 30.

⁴³ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 238. О местоположении Романополиса см. E. Honigman a n n. Trois mémoires posthumes d'Histoire et de Géographie de l'Orient Chrétien. — «Subsidia Hagiographica», № 35. Bruxelles, 1961.

⁴⁴ См. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 30.

⁴⁵ Real-lexikon der Assyriologie, 1, 88, s. v. «ALZI».

⁴⁶ См. Гр. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947, стр. 199—200.

⁴⁷ История Армении Фавстоса Бузанда, перевод М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, стр. 163.

пость, и когда вследствие неприступности места не сумели взять, то оставили и ушли»⁴⁸.

Армянский историк V в. Агафангел из 16 правителей Армении первым упоминает «князя Ангел-гуна»⁴⁹, и этот князь — единственный, носящий у него прозвище «Великий»⁵⁰.

Развалины знаменитого замка Ангела лежат при местечке Агил, удержавшем древнее название⁵¹.

В сирийских источниках крепость Ангел упоминается у Иешу Стилита, Захарии Ригора, Иоанна Ефесского, который, впрочем, сам был уроженец Ангела, как Аггел — Aggel⁵². У теперешних сирийцев местность называется Агул или Ангул⁵³.

В византийских источниках Ангелена упоминается Петром Патриkiem — Ἰγγηληνή⁵⁴, а также в законодательстве Юстиниана⁵⁵. Она входила в число тех армянских княжеств, которые в византийских источниках назывались сатрапствами и были расположены на юге Армении, между Тигром и Евфратом, и простирались в сторону города Амиды⁵⁶.

Ангел-тун с юго-востока граничил с Сасуном⁵⁷, той областью, где был создан армянский эпос о Давиде Сасунском, эпос, имеющий много мест соприкосновения с византийским эпосом о Дигенисе Акрите. Река области Ангел-тун встречается в армянском героическом эпосе. В одной из его версий мы читаем:

«Мать Мысра Мелика говорит своему сыну:

„Сынок, раз ты не хочешь, то позови двух хороших пахлеванов, чтоб они были сильными, и дай им Давида, отправь [его], пусть пойдет в страну отца своего, чтоб он не попался больше на твои глаза“.

Мысра Мелик позвал двух сильных пахлеванов, дал им [Давида] и сказал: «Отнесите до реки Ангела, там его зарежьте и принесете мне в дар его уши»⁵⁸.

⁴⁸ Там же, стр. 112.

⁴⁹ А г а ф а н г е л. История Армении. Тифлис, 1909, стр. 414 (да древнеарм. яз.).

⁵⁰ Там же, стр. 460. Соответствующие места в древнегреческом тексте Агафангела: κελεύει οὖν (ὁ βασιλεὺς Τηροδάτιος) τοὺς ἀρχηγούς τῶν σατραπῶν συγκαλέσασθαι καὶ τοπάρχας καὶ πρῶτος ἀρχὼν Ἀγγελιτῶν οἴκου; καὶ τὸν μέγιστον ἀρχοντα τοῦ οἴκου τῶν λεγομένων Ἀγγελιτῶν (Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien. Neu herausgegeben von Paul de Lagard. Göttingen, 1887, S. 68, 83). См. также Иоанн Мамиконян. История Тарона. Ереван, 1941, стр. 77. В арабской версии Агафангела: «И как только прибыли письма (т. е. Тиридата. — Р. В.), пришли к нему три царя, царь абхазский, царь грузинский и царь аланский, и вместо с ними собрание князей. Во-первых, князь Гипса (Ангела)». См. Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). — ЗВРАО, т. XVI, 1905, стр. 115.

⁵¹ Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 42.

⁵² Н. В. П и г у л е в с к а я. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.—Л., 1940, стр. 149; е е ж е. Сирийские источники..., стр. 15.

⁵³ A s s e m a n i. Bibl. Orient., t. I, p. 273; t. III, p. 714.

⁵⁴ Ex Historia Petri Patricii et Magistri excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. Bonnae, 1829, p. 135.

⁵⁵ C J. De off. mag. mil., I, 29, 5 (Magnam Armeniam, quae Interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam). Ср. Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁵⁶ P r o c o p i i d e a e d., III, 1: τῇ δὲ ἄλλῃ Ἀρμενία ἦπερ ἐντὸς Εὐφράτου ποταμοῦ οὕσα διήκει εἰς Ἀμίδαν πόλιν, σατράπεις ἐφεστῆρισαν Ἀρμένιοι πέντε.

⁵⁷ См. «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, ч. 2. Ереван, 1951, стр. 822 (на арм. яз.).

⁵⁸ Там же, стр. 250—251 (стк. 494—500).

В том же эпосе упоминается в «монастырь Ангéла» — Անգեղեանց վանք⁵⁹. Что представлял собой Ангéл-тун в культовом отношении?

С самого начала нужно отметить, что в армянском языческом пантеоне был бог по имени Ангéл. Это подтверждается тем, что библейский бог Երցéլ — Нергал в армянском переводе Библии, сделанном в V в., выступает как Ангéл: «...сделали каждый народ и своих богов и поставили в капищах высот, какие устроили Самаряне, — каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот-Беноф, Кутийцы [в греческом — ἄνδρες Χοῦθ] сделали Нергала...»⁶⁰. В древнеармянском переводе: *և արք Քուխի արարին զԱնգեղ*.

Н. Адонц проводит линию между семитским Нергалом, греческим Гераклом, армянским Ангéлом и находит возможным, что прообразом является семитский Нергал. Он считает достоверным, что Ангéл если не этимологически, то во всяком случае по своим атрибутам тождествен Нергалу. Он считает, что название крепости Ангéл происходит от одноименного Ангéла, храм которого, по всей вероятности, там и находился⁶¹.

Раз уже мы начали говорить о культовом центре Ангéл-туне и об армянском божестве Ангéле, то пора обратиться к армянским средневековым источникам, и в первую очередь к автору V — VI вв. Мовсесу Хоренаци (Моисею Хоренскому), «История Армении» которого, по точному определению Н. Адонца, является действительно выдающимся памятником, во многих отношениях не знающим себе равного в армянской письменности, замечательным прежде всего той глубокой национальной идеологией, которую он создал и на которой воспитывались дальнейшие поколения в течение многих веков⁶².

Армянский царь Валаршак, брат парфянского царя Аршака, по данным Мовсеса Хоренаци, передал правление разными областями Армении нахарарским родам. Среди них «мужа с суровыми чертами лица, высокого, неуклюжего, со сплюснутым носом, впалыми глазами, диким взглядом, исполина ростом и силою, из потомков Пасхама, внука ԻԱյկա, по имени Турк'⁶³, которого за чрезвычайное его безобразие прозвали А н г е л ь, Валаршак называет правителем з а п а д а. По безобразию [Турк'а] Валаршак называет и его род „Д о м А н г é л“. Впрочем, если желаешь, расскажу тебе о нем [такие же] невероятные и нелепые с к а з к и, какие Парсы рассказывают о Ростоме Сагчике⁶⁴, уверяя, что он обладал силою ста двадцати слонов. Слова П е с н и о с и л е и н е у с т р а ш и м о с т и Турк'а до того нескладны, что не могут быть применяемы ни к Самсону, ни к Гераклу, ниже к Сагчику. Ибо п е л и про него: возьмется, бывало, руками за гранитные без трещины скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты, на которых ногтями же избразит орлов и тому подобное. [Пели про него также], что близ берегов Понтийского моря, встретив неприятельские корабли, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстоянии восьми стадий; и Турк' не поспел за ними. Тогда он, п о е т с я в П е с н е, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод отонуло немало кораблей; и волны, поднявшиеся от всколыхания вод,

⁵⁹ «Сасна Цырер», т. II, ч. 2, стр. 317 (стк. 2552).

⁶⁰ См. IV Кн. Царств, XVII, 30.

⁶¹ См. Н. Адонц. Бог Тарку у древних армян. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 392—393 (на арм. яз.).

⁶² Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 209.

⁶³ Вариант: Торк'. Разумеется, имя Турк' — Торк' ничего общего с этническим «турк» не имеет.

⁶⁴ Т. е. из Сагастана.

разогнали оставшиеся корабли на многие мили. Вот это — легенда, подлинная царица легенд! Да что тебе за дело. Верно одно: [Турк'] обладал чудовищною силой, и недаром сложены про него подобные сказания⁶⁵.

С самого начала нужно подчеркнуть, что все сказанное Мовсесом Хоренаци о безобразии Ангеля связано с ложной народной этимологией слова Ангел (ан — отрицательная частица и гел — краса). Вероятно, с этой народной этимологией нужно связать вторую половину повествования, которая соответствует легенде о безобразном циклопе Полифеме из «Одиссеи» Гомера, хотя были высказаны предположения, что подобные легенды могли существовать в Малой Азии независимо от Гомера⁶⁶. Но это в данном случае неважно.

Итак, Турк' Ангел — Ангеля был назначен правителем запада Армении, точнее — Дома-Ангела. О божестве Ангеле уже была речь. Теперь остановимся на имени Турк' — Торк'. Н. Адонц находит, что Торк' по своим атрибутам тождествен Ангелу (это знаменитый хеттский бог Tarqu, имя которого встречается в географических названиях тех районов Армении, где находилась область Ангел) и что армянская традиция, связывая Торк'а с Ангелом, дает основание думать, что Торк' — не кто иной, как древний Тарку⁶⁷.

У анонимного армянского автора, текст труда которого дошел до нас в поздних рукописях «Истории» автора VII в. Себеоса, упоминается армянский царь Фарнаваз: «Он родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрата; Бюрат родил Аспата; сыны Багарата получили в качестве наследства в странах западных, т. е. дом Ангела, и поэтому Багарат был назван и Ангелом, которого обоготворяли в это время народы варварские»⁶⁸.

Легенды о герое-исполине Ангеля существовали в первую очередь именно в Ангел-туне — Ангелене, где они, вероятно, были и созданы. Но из этого, конечно, не вытекает, что их знали только в Ангелене. Они, несомненно, были распространены во всей Армении, и в особенности во всей Западной Армении. Здесь нужно подчеркнуть, что в песнях о Турк'е Ангеле — Ангеля воспевались вовсе не хеттский бог Тарку или же его армянский эквивалент Ангел. Нет! Во времена Хоренаци, тем более после него, существовали песни именно о Турк'е Ангеле — Ангеля, герое-исполине, не имеющем ничего божественного, но сохраняющем лишь героические черты, что и сделало его, по словам Мовсеса Хоренаци, достойным подобных сказаний. Хоренаци сравнивает Ангеля с персидским героем

⁶⁵ История Армении Моисея Хоренского, новый перевод Н. Эмина. М., 1893, кн. II, гл. 8 (стр. 59), с некоторыми уточнениями, сделанными на основании критического текста М. Хоренаци, изданного М. Абегианом и С. Арутюняном (Тифлис, 1913, стр. 114—115). Разрядка всюду моя. Армянское η в древности произносилось как л (ср. $\Phi\eta\lambda\omega\lambda\eta\lambda\eta$ = Платон, $\Upsilon\eta\lambda\eta\eta\eta\lambda\eta$ = Аполлон, $\Upsilon\eta\eta\eta\eta\eta\lambda\eta$ = Соломон, $\eta\lambda\eta\eta\eta$ = Лука и т. д.). О произношении арм. η см. А. Meillet. Remarques sur les l de l'arménien classique. — «Houschardzan». Вена, 1911, стр. 208—211; η теперь армянами произносится как новогреческая γ , а так как этого звука в русском языке нет, передается оно через g или x (ср. новоярмянские фамилии Согомоян, Гукасян и т. д.). Поэтому транслитерацию Эмина буквы η = x в собственных именах мы всюду привели не sx , а sl — Валаршак, а не Вахаршак, Ангеля, Ангел, а не Ангехя, Ангех.

⁶⁶ См. М. А. Бегиан. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 27—28.

⁶⁷ Н. Адонц. Бог Торк' у древних армян, стр. 392—393. О Торке см. также N. Adontz. Tarkou chez les anciens arméniens. — «Revue des études Arméniens», t. VII, fasc. 1. Paris, 1927, p. 185—194; Гр. Капанцян. Хайаса — колыбель армян, стр. 199 и сл.; его же. Малоазийские (азианческие) боги у армян. Историко-лингвистические работы к начальной истории армян. Ереван, 1956, стр. 273—274; Н. Мартиросян. Изыскания в связи с малоазийскими именами. — «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР», 1961, № 3—4, стр. 86—87 (на арм. яз.).

⁶⁸ История епископа Себеоса, перевод К. Патканяна. СПб., 1862, стр. 7.

Ростомом, библейским Самсоном, греческим Гераклом, подчеркивая только силу, но отнюдь не божественное происхождение. Хоренаци, упоминая прозвище Турк'а Ангэла — Ангеля, т. е. Ангэльский, сам подсказывает, что мы имеем дело не с самим богом Ангэлом, а с человеком, который считался похожим на бога Ангэла, вероятно, из-за его неимоверной силы⁶⁹. Это подтверждается и восклицанием Хоренаци: «Вот это — легенда, подлинная царица легенд»⁷⁰. К тому же заключению можно прийти и на основании вышеприведенного отрывка из Анонима. Тот же Аноним в своем предисловии, которое мы считаем целесообразным процитировать довольно подробно, подчеркивает, что мы имеем дело не с богами, а с людьми-героями. Он пишет: «Я не по своей охоте принял тщательное описывать время и начертать историю древних героев, упоминая притом и о баснословном...; я взглянул в книге Мараббы, философа Мцурнийского⁷¹, на ту надпись, которую нашел он в городе Мцбине (Низибине), в чертогах царя Санатрука, против дверей царского дворца, начертанную на камне, покрытом обломками царских жилищ. Когда колонны этого дворца были востребованы ко двору персидского царя, то при раскрытии развалин для отыскания колонн нашли неожиданно греческую надпись, начертанную на камне: дни и годы древних царей армян и парфян. Найдя эту надпись у его учеников в Месопотамии, я хочу вам ее сообщить. Вот заглавие ее:

„Я писец, Агафангел, написал на этом камне моею рукою годы первых царей армянских, по повелению храброго Трдата, взяв содержание из царского архива. Копию [с этой надписи] ты увидишь несколько ниже на своем месте“.

Я начну рассказывать эпос о страшном царе и храбром муже: во-первых, историю древних, откуда произошло изобилие земного строения; далее присоединю и привью к нему мифы о героях и баснословные рассказы о безумных войнах»⁷².

Песни о герое-богатыре Ангеля бытовали в Ангэл-туне — Ангелене (и не только там, а во всей Армении вообще) долгое время. Об этом свидетельствует, во-первых, Аноним, данные которого мы привели выше. Но песни и легенды о Турк'е-Ангэле — Ангеля, как нам удалось выяснить, имели большое распространение даже в XVI в., и не только среди армян, но и среди мусульман. Курдский историк первой половины XVI в. Шереф эд-дин Битлиси в своем знаменитом Шереф-наме, представляющем собой первую попытку дать систематическую историю курдского народа, среди разных курдских племен и династий упоминает и племя Мардаси. В XI в. династия Мардаси господствовала в Алеппо, но одна ветвь этого племени в более позднее время обосновалась в Агиле, т. е. в Ангэл-туне — Ангелене.

Вот что пишет в связи с крепостью Агил курдский историк: «Агил — это крепость, построенная на склоне одной высокой горы. Склон этот так искривлен, что взирающего на него охватывает страх и испуг. У всех на языке и из уст в уста бродит одна всем известная легенда, что будто один из возлюбленных богом людей (пророков) прибыл туда и сделал знак п о - т у р е ц к и (в персидском тексте: «белафзе т о р к и»)

⁶⁹ Другие исследователи считают, что Торк' Ангеля означает Торк'а из местности Ангэл, т. е. под Ангэлом здесь подразумевают название не божества, а местности. См. А с т. Х а ч а т р я н. «Торк' Ангеля» в древнеармянской литературе и в новой филологии. Известия Института наук и искусств Арм. ССР, № 5. Ереван, 1931, стр. 49; Н. М а р т и р о с я н. Изыскания в связи с малоазийскими именами, стр. 91.

⁷⁰ См. Н. Э м и н. Моисей Хоренский и древний эпос армянский. М., 1881, стр. 69, прим. 1.

⁷¹ Автор V в.. труд которого не дошел до нас.

⁷² История епископа Себеоса, стр. 1—2.

этому склону, и склон всемогуществом бога стал кривым. Истина только богу ведома»⁷³.

Под «белафзе торки», по всей вероятности, скрывается имя нашего исполнина Турк'а — Торк'а. Его имя у мусульман вызвало такую ассоциацию. В пользу того, что под ним скрывается герой Турк' — Торк', говорит, во-первых, то обстоятельство, что здесь «белафзе торки» в том смысле, как его понял Шереф эд-дин, никак не совместимо и непонятно. Кроме того, эта легенда имела распространение именно в Агиле. И в-третьих, выражение «сделал знак... этому склону, и склон... стал кривым» соответствует словам Мовсеса Хоренаци: Турк' «возьметя, бывало, руками за гранитные без трещины скалы и отломит от них, по желанию, большие или малые куски; приметя сглаживать их ногтями и образует из них плиты...»

Эти песни и легенды об исполнине Ангеля, несомненно, не могли исчезнуть без следа. Месопотамия, Четвертая Армения, Малая Армения и прилегающие к ней территории Великой Армении — густо населенные армянами территории, районы, где была широко представлена начиная с VII в. ересь армянских павликиан, в среде которых бытовали разные песни (в том числе, вероятно, и песни об исполнине Ангеля), впоследствии породившие знаменитый эпос о Дигенисе Акрите⁷⁴. Песни об Ангеля вошли и нашли свое должное место в эпосе о Дигенисе, действие которого происходит именно в тех районах, где и существовали песни о богатыре Ангеля, ибо герой Ангила византийской эпопеи, сила которого несколько раз подчеркивается — *ἀνδρειωμένος, μᾶλλον ἀνδρειωμένος, ἄγαν ἀνδρειωμένος, θαυμάσιος, λέων, γίγας*, которого *τὸ θάρρος τὸ πολὺ τῆς συνηθείας τούτου*, по нашему предположению, — не кто иной, как армянский исполнитель Ангеля, о баснословной силе которого писал Мовсес Хоренаци⁷⁵.

Ответить на вопрос, почему Ангеля стал звучать Ангила — *Ἀγκύλας* и писался во всех версиях с *υ*, нетрудно. Просто слово осмыслено на греческий лад, от слова *ἀγκύλη* = тетива, дротик, копьё.

Ангеля происхождением связан с Ангеленой, Ангила, как мы отметили выше, с провинцией или фемой Месопотамия, в которую входила территория Ангелены.

Нам кажется, что значение проделанного нами исследования отнюдь не в том, что удалось идентифицировать одну личность из византийской эпопеи. Нет! Значение в другом, а именно в том, что становится еще более ясной та историческая почва, на которой был создан византийский эпос, еще раз подтверждается и получает новые аргументы гипотеза Н. Адонца о том, что Западная Армения, армянское население Западной Армении сыграли главную роль в его создании. Несомненно, это население в IX — XI вв. уже было грецизировано, говорило оно, по всей вероятности, по-гречески (ибо трудно допустить, что более чем тысячелетнее господство Рима и Византии не оставило бы никакого следа на нем), но население это не забыло свою историю, не забыло своих легенд и сказаний, свои народные песни и, передавая их от поколения к поколению, сохранило их

⁷³ Chéref-Nameh ou Histoire des Kourdes par Chéref, Prince de Bidlis, publiée par Veliaminof—Zernof. St.-Pétérbourg, 1860, t. I, p. 177.

⁷⁴ О том, что византийский эпос был создан в среде еретиков-павликиан, см. N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas.— BZ, Bd. XXIX—XXX, 1929—1930, p. 198—227; H. Grégoire. «Ο Διγενής Ἀκρίτας. Η βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴν ποίηση. New York, 1942.

⁷⁵ Впрочем, как видно из Гротта-Ферратской версии эпоса о Дигенисе Акрите, цикл песен о героях-апелатах — Филопале, Киннаме и Иоаннакисе, имена которых коммагенского парфяно-армянского происхождения, предшествовал песням о Дигенисе и был в значительной мере вытеснен ими. См. «Дигенис Акрит», перевод А. Я. Сыркина. М., 1960, прим. к книге IV, 33, стр. 193.

до времени создания византийского эпоса. В этой связи можно уверенно сказать, что отдельные стороны византийского эпоса, отдельные персонажи его, еще не нашедшие своего объяснения и прообразов, могут быть объяснены и идентифицированы лишь в связи с глубоким изучением истории армян, и в первую очередь легенд, народных сказаний и песен, словом, фольклора армянского народа.

В конце своего исследования хочу привести содержание недавно изданной статьи А. Брайера «Ахтамар и Дигенис Акрит»⁷⁶. В этой статье автор показывает то общее, что имеется между построенным на берегу Евфрата дворцом Дигениса, его художественным убранством и воздвигнутым Гагиком, армянским царем Васпуракана (908—943 гг.), дворцом (теперь разрушенным; его описание дает армянский историк X в. Фома Ардруни) и художественным убранством Ахтамарской церкви, построенной тем же царем Гагиком на острове Ахтамар (на озере Ван), напротив города Вана, и полностью сохранившейся до наших дней. Находя у этих сооружений очень много общего, указывая вместе с тем на их географическую и хронологическую близость, А. Брайер отмечает возможность какой-либо общей связи между ними.

Мы добавили бы к высказанному А. Брайером соображению, что, согласно армянскому героическому эпосу о Давиде Сасунском, имеющему, как мы отметили выше, много точек соприкосновения с эпосом о Дигенисе Акрите, мать Санасара, деда Давида Сасунского, была, по некоторым версиям, дочерью царя «Вана» или «Ахтамара» Гагика⁷⁷, того Гагика, с сооружениями которого А. Брайер сравнивает дворец Дигениса. Дочь царя Гагика вышла замуж за сына «языческого», т. е. мусульманского, «царя», господствовавшего в местности «Телтис», подобно тому как дочь Киннамадов вышла за арабского эмира, от брака которых родился Дигенис.

Из всего этого видно, что не только нарративные сведения, но и данные материальной культуры говорят в пользу высказанного выше предположения Н. Адонца относительно исторической основы византийского эпоса.

II. О «САТРАПАХ» И ОБ «ЕΘΝΗ»

В данном очерке мы обратимся к материалу, который дополняет предыдущее исследование о прообразе героя Ангилы и ставит ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании. Мы имеем в виду упоминание в эпосе «сатрапов» и «εθνη».

Насколько мне известно, среди византийцев, занимавшихся специально византийским эпосом, ни один не обратил внимания на «сатрапов». Что касается «εθνη» (слово перешло к армянам в форме hethanos — язычник, идолопоклонник), то они воспринимались просто как народности нехристианского происхождения.

«Сатрапы» упоминаются в эпосе всего два раза — в Трапезундской и Андросской версиях в следующих контекстах:

1. Рождение матери Акрита вызвало большую радость не только у ее родителей, но и среди λαών, ἀρχόντων, σατραπῶν, μετὰ παντός τοῦ πλῆθους, (А 66).

⁷⁶ А. А. М. В у е r. Akhtamar and Digenis Akrites.— «Antiquity», vol. 34, № 136, Dec. 1960, p. 295—297.

⁷⁷ «Сасна Цырер» (Давид Сасунский), т. II, стр. 475 и сл., 529 и сл., 607 и сл., 1091

2. Много лет спустя, после того как Дигенис Акрит прославился своими подвигами и построил на берегу Евфрата знаменитый дворец, со всех сторон туда начали стекаться дары:

οἱ μεγίστηνες λέγω δὴ καὶ οἱ σατράπαι πάντες,
φιλοτιμίας ἔστελλον, χαρίσματα τε πλείστα,
ὁμοίως καὶ οἱ ἄρχοντες τῆς ὅλης Ῥωμανίας,
ἔστελλον δῶρα θαυμαστά, ἐξαισία ἡδέως,
αὐτὸν μετὰ φιλότητος, καὶ μετ'εὐγνωμοσύνης.
Ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἔστελλεν καθ'ἐκάστην
μεγίστας τοίνυν δωρεὰς τῷ θαυμαστῷ Ἀκρίτῃ (A 4066—4072).

«Ἐθνη» в эпосе упоминаются трижды в следующих контекстах:

1. Дигенис, рассказывая о своих подвигах, говорит, что он обложил данью «ἔθνη»:

Χαρίτσια ἐπαρασκεύασα τὰ ἔθνη διὰ τὰ δίδου
τῷ βασιλεῖ τῷ Ῥωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ (A 3857—3858).

2. Автор эпоса восхваляет Дигениса и среди многих его подвигов упоминает о том, что Дигенис заставил «ἔθνη» ежегодно платить налоги византийскому императору:

κατὰ πολὺ δὲ φοβερῶς τὰ ἔθνη ὑποτάξας
ὥστε καὶ φόρους βασιλεῖ παρέχειν ἐτησίους
καὶ οἱ ποτὲ πολέμοιοι γεγόνασιν ἰκέται (A 4335—4337).

3. В похоронах Дигениса принимают участие, в числе других, также и «ἔθνη»:

καὶ πῶς αὐτοὺς ἐθρήνησεν πολλὰ ὁ κόσμος ὅλος,
καὶ τὴν κηδεῖαν ἔκαμεν ἐντίμως καὶ ἀξίως
αὐτοῦ καὶ τῆς συμβίου του τὰ ἔθνη ὅλα τότε (A 4363—4365)

* * *

В IX — X вв., когда в основном слагался эпос о Дигенисе Акрите, едва ли под упоминаемыми в нем сатрапами могли подразумеваться сатрапы Ахеменидской Персии, прекратившие свое существование полтора тысячелетия назад. Зато несомненно, что среди живущих на востоке Византии людей были еще свежи в памяти сатрапы Юго-Западной Армении, земли которых простирались если не именно там, то по крайней мере по соседству с той территорией, где зародился византийский эпос¹.

Термин «сатрапы» очень часто встречается в армянских источниках V—VI вв.; под ними подразумеваются крупные армянские феодалы-нахарары, подчиненные армянскому царю. После упразднения в 428 г. армянского царства Аршакидов сатрапы Юго-Западной Армении приобрели независимость в рамках Византийской империи. Они имели свои вооруженные силы и, как указывает Прокопий Кесарийский, в военных делах были самостоятельны; такое положение просуществовало до времен императора Юстиниана².

В V—VI вв., по данным Прокопия³ и XXXI новеллы Юстиниана, сатрапств было пять, а по данным одного официального документа того же

¹ Об армянских сатрапах и сатрапствах Юго-Западной Армении подробно см. K. Güterbock. Römisch-Armenien und die römischen Satrapien im 4. bis 6. Jahrhundert. Königsberg, 1900; Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 28—45.

² De aedif., III, 1.

³ Ibidem.

императора Юстиниана, — шесть⁴. Они часто восставали против империи. Во времена императора Зенона они приняли участие в восстании Илла и Леонтия, после подавления которого Зенон упразднил наследственную власть армянских сатрапов и стал назначать их сам, по своему усмотрению. Самый чувствительный удар армянским сатрапам нанес император Юстиниан I. В 529 г. он издал приказ, по которому Армения, Полемонийский Понт и сатрапства подчинялись стратегу или магистру⁵. Власть сатрапов была упразднена, и на их место были назначены византийские дуки, подчиненные вышеупомянутому стратегу — *magister militum*⁶.

Разумеется, Юстиниан не уничтожил сатрапов-нахараров физически. Они еще долгое время сохраняли свои владения и постоянно обеспечивали византийскую армию первоклассными военачальниками.

В эпосе говорится, что «все сатрапы» посылают Дигенису дары. Это был, вероятно, отголосок тех «подарков», которые упомянутые армянские сатрапы были вынуждены выплачивать (именно выплачивать, так как эти «подарки» уже приняли вид налога) Византии *pro devotione quae Romano debetur imperio* и которые назывались *aurum coronario*⁷. Что это были налоги, выявляется и другим путем. Согласно эпосу, Дигенис вынудил *ἔθνη* платить империи ежегодно налоги. Но что общего между *ἔθνη* и сатрапами? Очень много! Ведь *ἔθνη* равнозначно сатрапствам. Одни и те же княжества в официальных документах, изданных Юстинианом, называются *gentes* и *ἔθνη*, в противоположность *Armenia Magna* или *Interior*⁸. В законодательстве императора Юстиниана относительно армянских земель мы читаем следующее: *Magnum Armeniam, quae interior dicebatur et gentes: Anzetenam videlicet, Ingilenam, Asthianenam, Sophanenam, in qua est Martyropolis, Balabitenam*⁹. XXXI новелла Юстиниана сатрапов и «*ἔθνη*» представляет как одно и то же понятие: *Τῶν ἐθνῶν... Τζοφανή τε καὶ Ἀρζιτηνή καὶ Τζοφανή, καὶ Ἀσθιαννή καὶ Βαλαβιτηνή καλουμένη καὶ ὑπὸ σατραπείας οὔσα. Для Прокопия сатрапы и «*ἔθνη*» также синонимы: Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς τὸ μὲν τῶν σατραπῶν ὄνομα ἐξήλασεν ἐνθῆνδε εὐθὺς, δοῦκας δὲ τοὺς καλουμένους δύο τοῖς ἔθνεσιν ἐπέστησε τοῦτοις*¹⁰.

Согласно эпосу, «*ἔθνη*» были «*πολέμιοι*» — враги империи (A 4337). Действительно, Прокопий Кесарийский описывает крайне враждебные отношения между населением Западной Армении и империей. После уничтожения власти армянских сатрапов Юстиниан превратил их земли в простую провинцию Византии, там были распространены общеимперские порядки и армянское население сатрапств и вообще Византийской Армении было превращено в рабов империи. Об этом говорит Прокопий Кесарийский устами Аршака Аршакида¹¹, того Аршака, который вместе со знаменитым Артаваном подготовил покушение на жизнь Юстиниана; об этом же говорили в 540 г. персидскому царю Хосрою восставшие против империи армяне во главе с нахараром Васакком¹².

В Гротта-Ферратской версии нет упоминания о сатрапах; что же касается «*ἔθνη*», то это слово встречается там трижды (I 65, I 67, IV 2094),

⁴ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5. О разнице в их числе подробно см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 43—44.

⁵ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

⁶ Procop., De aedif., III, 1.

⁷ CTh., De aur. coron., XII, 13, 6.

⁸ См. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 29.

⁹ CJ, De off. mag. mil., I, 29, 5.

¹⁰ Procop., De aedif., III, 1.

¹¹ Procop., De Bel. Got., III, 32.

¹² Procop., De Bel. Pers., II, 3.

причем автор явно не знает, кто в действительности были «ἔθνη», и предполагает, что речь идет о нехристианах — арабах, которые в другом месте выступают как язычники — ἐθνικός (IV 51).

В заключение хочу указать, что поскольку в версиях Андросской стихотворной, Андросской прозаической и Трапезундской имеется рассказ об Ангелі, о сатрапах и об «ἔθνη», а также упоминание павликианского центра Мананали — Ахайя¹³ и поскольку эти данные отсутствуют в версии Гротта-Ферратской, можно предположить, что автор их первоисточника был ближе к действительности Юго-Западной Армении, чем автор Гротта-Ферратской версии.

III. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ АХАΪΑ?

Согласно Андросской стихотворной и Андросской прозаической версиям¹ эпоса о Дигенисе Акрите, император Роман после встречи с героем Дигенисом на берегу реки Евфрат возвращается в Ахайю, где он побеждает своих врагов:

Καὶ χαίρων τότε μίσευσε στὰ μέρη[†] Ἀχαιῶν
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν, καὶ νικητῆς ἐφάνη (A 2419—2420).

В парафразе Пасхали мы читаем, что после встречи император возвратился в Ахайю, потому что εἶχεν ἐκεῖ πόλεμον καὶ ἐνίκησεν τοὺς ἐχθροὺς του... (П. 364, 32—34), из чего следует, что война с врагами в Ахайе шла и до этого.

По Андросской и Трапезундской версиям, император находился в Каппадокии с большим войском, предназначенным для войны против Маγούλιων (A 2347—2348, T 1481—1482). В Гротта-Ферратской версии мы читаем, что император в тот момент, когда захотел повидать Дигениса,

ἔτυχε κατὰ Περσῶν ποιῶν τὴν ἐκστρατεῖαν
ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσι ἐν οἷς ὁ παῖς διῆγεν (IV 975—976).

Встреча по всем версиям происходит на берегу Евфрата.

И под Маγούλιοι, и под Πέρσαι, как известно, подразумеваются арабы.

Если быть строго последовательным, то нужно представить дело так: император (Василий он или Роман — здесь не важно) с большим войском находился в Каппадокии (или «в тех местах, где был Дигенис», т. е. на Евфрате), намереваясь отправиться на войну против арабов. По пути он пожелал встретить Дигениса; после встречи с ним на Евфрате он продолжает свой путь против врагов. Гротта-Ферратская версия не сообщает, куда направляется император. Андросская же указывает — в Ахайю; следовательно, именно там находились враги, которые названы Маγούλιοι или Πέρσαι, т. е. арабы.

Если допустить, что речь идет об Ахайе в Пелопоннесе, то подобное путешествие императора выглядит совершенно абсурдным. Чтобы оказаться в Пелопоннесе, достаточно просто проплыть Эгейское море. Кроме того, из источников неизвестно, чтобы императоры Василий или Роман воевали против арабов в Ахайе Пелопонесской.

Нужно признаться, что эпос создает впечатление, будто Ахайя находится рядом с Евфратом. Однако нам известна только Ахайя в Северном Пелопоннесе, и именно там видели ее исследователи эпоса. Например,

¹³ См. ниже.

¹ Следовательно, и в Трапезундской версии, но в этом месте там лакуна.

П. Калонарос считает, что здесь идет речь о франкском принципате Ахайе, что в эпосе отражены войны византийцев против латинян Мореи и что упоминание Ахайи очень важно, так как может помочь датировке Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической и даже Эскуриальской версий².

Но франки обосновались в Ахайе не раньше 1205 г., что выходит за рамки царствования не только Романа I Лакапина, но даже последнего Романа IV Диогена (1067—1071 г.); кроме того, как мы видели выше, эпос имеет в виду арабов, а не франков.

Еще арменоведом и византиноведом Николаем Адонцем была высказана основанная на множестве фактов гипотеза о том, что ядро византийской эпопеи было создано в среде еретиков-павликиан³. Эта гипотеза была принята и далее развита известным бельгийским византиноведом А. Грегуаром⁴, много лет посвятившим изучению как эпоса, так и павликианского движения, а также другими византиноведами. Несмотря на то, что против этой гипотезы было высказано и немало возражений, полностью игнорировать роль павликиан в создании эпоса вряд ли верно. История павликиан проливает, в частности, свет на локализацию Ἀχαΐα эпоса. Она действительно находилась рядом с Евфратом. В чем же дело?

С самого возникновения ереси павликиан еретики всячески старались показать свою приверженность апостолу Павлу. Даже свое наименование — «павликиане» они связывали с именем апостола Павла. От первого ересиарха — Константина — до последнего — Сергия — ересиархи присваивали себе имена учеников апостола Павла (известны ересиархи павликиан Сильван, Тимофей, Тит, Эпафродит, Тихик и т. д.). Наконец, своим общинам павликиане также давали названия общин, основанных апостолом Павлом. Мы встречаем у них общины, которые носят названия Македония, Ахайя, Филиппийцев, Лаодикийцев, Ефессян, Колоссян. Об общине Ахайя мы читаем у Георгия Монаха следующее: Λέγουσι δὲ (οἱ Παυλικιανοί) καὶ ἐξ ἐκκλησίας ἐν τῇ ὁμολογίᾳ αὐτῶν τὴν Ἀχαΐαν, ἥτις ἐστὶ κόμη Σαμωσάτου ἢ Μανανάλις ἣν ἐμαθήτευσεν Γενέσιος ὁ καὶ Τιμόθεος⁵.

Следовательно, Мананали — это Ахайя. Мананали названа κόμη — деревней, но давно доказано, что здесь подразумевается область Мананали армянских первоисточников⁶. Она находилась на арабско-византийской границе — ἀκρά и все время переходила из одних рук в другие. Границей этой области был как раз Евфрат.

В Мананали — Ахайе действовал ересиарх Гегнесий — Тимофей. Время его деятельности хорошо известно — это первая половина VIII в. Но Мананали был центром павликиан еще долгое время спустя после Гегнесия. Петр Сицилийский пишет, что даже в его время, во время написания им трактата против павликиан (869 г.), Мананали продолжала оставаться крупным центром павликиан: Мананали «μέχρι τοῦ νῦν Μανιχαίους (т. е. павликиан) ἐκτρέφει⁷. Следовательно, еще во второй половине IX в. павликиане должны были именовать Мананали Ахайей.

² Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας. Τά ἐμμετρα κείμενα Ἀθηνῶν (πρῶν Ἄνδρου, μετὰ συμπληρώσεων καὶ παραλλαγῶν ἐκ τῆς διασκευῆς Τραπεζούντος) Κροπτοφέρρης καὶ Ἐσχοριᾶς, ἔκδοσις... Π. Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθῆναι, 1941, σελ. 133—134, ὑπόσημ.

³ N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine. — BZ, Bd. XXIX — XXX, 1929—1930.

⁴ H. Grégoire. Ὁ Διγενής Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942.

⁵ Georgii Monachi. Chronicon, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904, p. 720—721.

⁶ E. Honigmann. Die Ostgrenzen des Byzantinischen Reiches von 363. bis 1071. nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935, S. 192.

⁷ Petri Siculi. Historia. — PG, t. 104, col. 1276.

Это ясно видно также из посланий крупнейшего павликианского ересиарха Сергия — Тихика (умер в 835 г.). В одном из этих посланий, дошедших до нас в труде Петра Сицилийского, мы читаем: Ἐτι δὲ λέγω, τὴν ἐν Κορίνθῳ ἐκκλησίαν ὑποδόμησε Παῦλος... Καὶ Ἀχαίαν ἀνιστόρησε Τιμόθεος· λέγει δὲ τὴν Μανανάλιν καὶ τὸν Γεγνέσιον, Τιμόθεον ὀνομάζει, τὸν ὄντως Θυμόθεον⁸.

Сам Сергий не считал нужным давать какое-либо пояснение наименованию Ахайя — оно прочно укоренилось среди павликиан и было для них понятно.

Мананали был центром еретиков (тондракитов), как видно из «Повествования» армянского историка XI в. Аристархаса Ластивертци, также в X—XI вв.⁹, а тондракиты были не что иное, как павликиане в сугубо армянской действительности, и, по всей вероятности, еретики продолжали называть Мананали Ахайей еще много времени спустя после IX в.

В эпосе, как мы видели выше, говорится о том, что император Роман пошел в Ахайю продолжать борьбу с врагами, которых он и победил. Исследователи полагают, что это был Роман I Лакапин. Следовательно, Роман I Лакапин отправился воевать в Ахайю — Мананали против арабов. Это вполне соответствует действительности. Из византийских и армянских источников известно, что царствование императора Романа I Лакапина связано с упорной борьбой против арабов, проходившей с большим успехом для Византии.

Результатом этой борьбы было завоевание множества пограничных областей, в том числе и Мананали — Ахайи, и их включение в состав Византийской империи. Вот об этой победе против арабов и говорится в эпосе о Дигенисе Акрите.

Итак, Ахайю нужно искать не в Пелопоннесе, а на Востоке Византии. Ахайя — это крупный центр павликианских еретиков, область Мананали.

IV. ОБ ИМПЕРАТОРЕ «НИКИФОРЕ»

Как известно, во всех версиях византийского эпоса о Дигенисе Акрите имеется упоминание о встрече Дигениса с византийским императором на берегу реки Евфрата. В Гротта-Ферратской версии имя императора — Василий¹, в версиях Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, Оксфордской имя императора — Роман².

Однако в Андросской стихотворной версии (стк. 4344), Трапезундской (стк. 3110), а также в Андросской прозаической версии, которые по происхождению относятся к одному и тому же первоисточнику, упоминается один-единственный раз и имя императора Никифора.

Все исследователи пришли к выводу, что это место эпоса — вставка, а так как имя Никифор носил ряд византийских императоров, одни считали, что имеется в виду Никифор II Фока, другие — Никифор III Вотаниат, и, в соответствии с временем царствования того или другого императора Никифора, датировали эту вставку³.

⁸ Ibid., col. 1297.

⁹ Повествование Аристархаса Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963, гл. 23.

¹ Одни исследователи под ним подразумевают Василия I, другие — Василия II. Статьи, в древнерусской версии эпоса о Дигенисе, в Девгениевом деянии, имя императора также Василий.

² По мнению исследователей, это был Роман I Лакапин.

³ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digenis Akritas (Samosate, vers 940 après J. C.). — Byz., VI (1931), p. 495—496; Κορυακίδου. Рец. на вышеупомянутую статью А. Грегуара. — «Λογογραφία», I, σελ. 624, 658 (цит. по: Βασίλειος Διγενής Ακρίτας, έκδ. Π. Καλονάρου, τ. Α'. Ἀθήναι, 1941, σελ. 237, ὑποσημ.); H. Grégoire.

Однако из текста совершенно не видно, что в данном месте мы имеем дело со вставкой, и упоминание в эпосе императора Никифора основано на простом недоразумении.

Император Роман в Трапезундской, Андросской стихотворной, Андросской прозаической, т. е. в тех версиях, где один раз упомянут Никифор, неоднократно наделяется следующими эпитетами:

Ρωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς

(A 1369);

Καὶ βασιλέα τὸν λαμπρὸν Ρωμανόν

(A 1663);

Ὅμοιος γὰρ καὶ βασιλεὺς ὁ μέγας τῶν Ρωμαίων
ὁ Ρωμανὸς ὁ πλούσιος καὶ νικητῆς ὁ μέγας

(A 2342—43);

καὶ χαίρων τότε μίσευσε στὰ μέρη Ἀχαιῶν
πρὸς πόλεμον κατὰ ἐχθρῶν καὶ νικητῆς ἐφάνη

(A 2419—20);

τῷ βασιλεῖ τῷ Ρωμανῷ, τῷ μέγα τροπαιούχῳ

(A 3858).

Единственное упоминание об императоре Никифоре выглядит так:

Οὐ (т. е. τοῦ Διγενῆ) καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς ἀκούων
ὁ Νικηφόρος ὁ λαμπρὸς, ὁ μέγας τροπαιούχος
ὁ τῶν Ρωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας
μεγίστην ἄγαν δωρεάν, πεπλουτισμένην μάλα
τοῦ Διγενῆ ἀπέστειλεν ἡμέραν καθ' ἡμέραν

(A 4343—4347).

Как можно видеть, автор поэмы прилагает к императору Никифору буквально те же эпитеты, что и к Роману (μέγας τροπαιούχος λαμπρός и т. д.). Рассказ о больших дарах, преподнесенных императором Никифором Дигенису, в основном совпадает с рассказом о дарах Романа Дигенису (A 2408 и сл.).

Нужно признаться, что упоминание императора Никифора выглядит совершенно неожиданным: от времени встречи Дигениса с Романом до упоминания Никифора прошло не столь много времени, чтобы автор эпоса мог считать само собой разумеющимся появление нового императора, а если даже это имело место, то, вероятнее всего, после неоднократного упоминания Романа, автор должен был как-нибудь указать на это обстоятельство.

В чем же недоразумение? Дело в том, что в строке 4344 Андросской версии, и в соответствующей Трапезундской и Андросской прозаической, речь идет не о каком-либо новом императоре, а о том же самом неоднократно упоминаемом императоре Романо-«победителе» (νικητής), «великом победителе» (νικητῆς ὁ μέγας), — с той разницей, что здесь вместо νικητής он назван νικηφόρος — «победоносный». В рукописях эпоса текст дается без заглавных букв, а издатели, по недоразумению предполагая, что имеется в виду император Никифор, простое прилагательное νικηφόρος, относящееся к императору Роману, превратили в имя собственное (Νικηφόρος), что и стало причиной многих недоразумений.

Данный текст мы исправляем так:

Οὐ καὶ τὰ κατορθώματα ὁ βασιλεὺς⁴ ἀκούων
ὁ νικηφόρος, ὁ λαμπρὸς, ὁ μέγας τροπαιούχος.

³ Ο Διγενῆς Ἀκρίτας. Ἡ Βυζαντινὴ ἐποποιία στὴν ἱστορία καὶ στὴ ποίηση. New York, 1942, p. 198; Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. LX; Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина М., 1960, стр. 143, 145; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962, стр. 33.

⁴ Т. е. император Роман.